

ЗА РОДИНУ

№ 53 (453)

Среда, 8-го марта 1944 г.

Цена 50 коп.

Русская ежедневная газета. Главный редактор Анатолий Стенос. Редакция во Пскове и Риге. Адрес: Рига, улица Рихарда Вагнера 57. Из освобожденных областей следует писать в газету через Центральную русскую почту: Feldpost Nr. 39609 Ru (Z. E. P.) «За Родину». Деньги за подписку — 16 руб. в месяц (с доставкой по почте) и деньги за объявление (плата за стандартное объявление 30 руб.) переводить почтовым денежным переводом по адресу: Postscheckamt Riga, Konto 337 («Sa Rodinu»)

Семья и брак

Иван Алексеев

Правители Советского Союза смотрели очень легко на многие вещи, в том числе и на брачные отношения людей. Они настолько легко относились к вопросам брака, что даже оформление браков признали делом личного желания каждого, объявив, что незарегистрированный брак имеет одинаковую силу и последствия с оформленным, зарегистрированным браком.

Поэтому нет ничего удивительного в том, что и у населения (главным образом, той его части, которая выросла в советских условиях) воспиталось поверхностное, нездоровое и несерьезное отношение к браку. Подчас сводившееся к скабрезному анекдоту. Брачные отношения сделались как правило кратковременными, об обязанности, связанных с брачными отношениями, никто не задумывался, в сознании людей было помрачено понимание брака, как начального момента зарождения семьи, как действия налагающего обязательства в отношении супругов друг к другу и к потомству.

Раз при самом зарождении основ семейных отношений — браке — допускалось легкомысленное к нему отношение, то и дальнейшие этапы развития семьи в Советском Союзе носили патологический (нездоровый) характер. Резко увеличилось количество аборт, страна была полна так называемыми «матерями-одиночками», эти несчастные матери поднимали с неизъяснимым трудом своих «случайных» детей, дававших кадры беспризорников, несовершеннолетних правонарушителей, нравственных уродов.

Большевики спохватились, но слишком поздно: введение пособий многодетным семьям, запрещение увольнения с работы беременных, запрещение абортов, повышение размеров алиментной платы с отцов, обложение высокой пошлиной разводов зарегистрированных браков, — не привело уже к нужным результатам. А в кодексе законов о браке, семье и опеке попрежнему красовалось «достижение» советского законодательства: наравне с браком зарегистрированным признавался и фактический брак.

В таком положении вопросы семьи и брака в Советском Союзе встала война.

Воспитанные в легкомысленном отношении к вопросам семьи и брака, бывшие подсоветские граждане, оказавшиеся по эту сторону фронта, в силу воспитания и той советской обстановки, в которой они прожили четверть века, еще не усвоили иного взгляда на эти вопросы и еще и сейчас наблюдается нездоровое отношение мужчин и женщин друг к другу, граничащее с легкомыслием и безответственностью.

Вопросы семьи и брака требуют серьезной постановки, требуют пристального и внимательного к ним отношения. Прошло время когда к этим вопросам подходили «с кондачка», пора понять, что брак далеко не является только личным делом брачующихся, пора понять, что он является серьезным жизненным шагом, порождающим права, обязанности и обязательства, как в супружеских отношениях, так и для третьих лиц и государства.

Вот почему, строя новую жизнь, все русские люди и среди них, в особенности, молодежь, должны раз и навсегда покончить с легкомыслием в вопросах семьи и брака. Вот почему по эту сторону признается только зарегистрированный брак.

Русская семья всегда была крепкой семьей, на всех жизненных исторических этапах русская семья являлась оплотом государственности, семейные устои и традиции в русских семьях всегда были священны и пренебрежение всем этим не в характере русского народа. Советское же отношение к браку следует рассматривать как тяжкую болезнь, искусственно привитую русским людям, и с этой болезнью долг каждого из нас бороться всеми мерами, повседневно и немедленно, так как побороть эту болезнь необходимо во имя построения той жизни, которая будет покоиться на твердых национальных, государственных и семейных устоях.

ТЯЖЕЛЫЕ БОИ У ШЕПЕТОВКИ

За день на южном отрезке фронта уничтожено 69 советских танков

Главная Ставка Фюрера, 6 марта. Верховное Командование германских вооруженных сил сообщает:

В южной части восточного фронта, южнее Кривого Рога, противник продолжает свои безуспешные атаки. Центр тяжести советского наступления переместился теперь в район Звенигородки, где противник ведет упорные атаки крупными пехотными и танковыми силами. Особенно тяжелые бои развилась южнее Шепетовки, где сражение с продвигающимися вперед силами противника происходит со все возрастающим ожесточением. На обоих участках германские войска ведут тяжелые оборонительные бои. Противник потерял здесь 69 танков.

На среднем участке фронта, в районе шоссе Смоленск-Орша, отбиты многочисленные, поддержанные танками, атаки противника, во время которых советские войска понесли крупные потери.

Юго-восточнее Витебска все попытки советских войск прорвать линию германской обороны, вчера снова окончились неудачей и германские гренадеры, при поддержке танков, а так же штурмовой и зенитной артиллерии, одержали полный успех.

Севернее Пскова и в районе Нарвы все атаки противника отбиты в ожесточенных боях. Местные вклинения уничтожены контр-ударами или обезврежены.

На итальянском фронте — положение без перемен.

В ночь с 5 на 6 марта в районе севернее Боркума неприятельские торпедные са-

молеты потопили шедший в составе германского каравана судов шведский пароход «Диана». Зенитной артиллерией, конвоировавших караван германских военных кораблей сбито два из трех нападавших самолетов противника.

Силами германской противовоздушной обороны, при отражении неприятельских налетов на занятые немцами области Западной Европы, вчера сбито восемь самолетов противника, в том числе три бомбардировщика.

Прошлой ночью единичные неприятельские самолеты сбросили бомбы в западной Германии.

Доблесть добровольцев

Берлин, 7 марта.

В рядах германских войск, выбившихся из советского окружения у Черкасс, сражалось много русских и украинских добровольцев. За все время боев и выхода из окружения они отважно сражались и проявили высокую доблесть. Доблесть, проявленная в тяжелых условиях обороны и в особенности окружения, являющегося труднейшим испытанием каждого бойца, — свидетельствует о верности добровольцев своему долгу, преданности общему делу, и большой отваге.

„Кипучая жизнь“ в СССР

Советское радио и голодные колхозники

На днях московское радио передало обзор жизни советского тыла. Приподнятым и вдохновленным голосом диктор повествовал о разнообразных кипучей и заманчивой жизни советского тыла.

Ах, как хорошо в советском тылу, по словам московского диктора! Кол-

хозники и колхозницы несут на сборные пункты миллионы рублей и жертвуют их на нужды советской власти. Горожане несут в райкомы и горкомы партии свои драгоценности, ценные вещи, золото, все отдадут на дело Ленина—Сталина. Рабочие, не имеющие ни миллионов рублей, ни драгоценно-

стей, напрягают все силы для перевыполнения норм и шахтеры добывают ежедневно угля столько, что его хватает на всю Московскую область. Уже в феврале месяце запахана, распахана и перепахана, засеяна и пересеяна вся советская земля. Во многих колхозах уже зреют и наливаются колосья и обещают невиданный до сего времени урожай. Неслыханными темпами плодятся рогатый скот. Такими же темпами советские писатели выпускают на книжный рынок произведения, посвященные «гениальному Сталину».

«Многообразной, кипучей жизнью живет тыл страны советов», — с пафосом заканчивает диктор.

Наивных слушателей у московского диктора нет. Всем давно известно, что московский диктор жет, бессовестно и беззастенчиво. А лучше всего это известно самим же советским людям. Лучшие других это знают колхозники и колхозницы, у которых нет даже возможности хотя бы один раз в неделю наесться досыта, рабочие рудников и шахт, которые от истощения не в состоянии выработать и 50 процентов установленной нормы. Они могли бы рассказать московскому диктору, какой «многообразной и кипучей» жизнью живет тыл советской страны.

И мы знаем это. Вот они — последние перебежчики с той стороны. Вот они стоят перед нами — живые трупы, принесшие с собой пламенную ненависть и священную жажду отмщения.

Они рассказали, что ограбленные и голодные колхозники и колхозницы рыщут по полям и болотам в поисках, хотя какого-нибудь пропитания. Лишь старики, старухи и дети остались в деревнях и селах. Кругом невозделанные поля и огороды, ржавеют сельскохозяйственные машины и трактора. Некому и нечего сеять. Плодороднейшие области пустуют. Крестьяне бегут в города. А там сумрачно смотрят на них граждане стоящие сутками в очередях за своим голодным пайком. По тротуарам и мостовым городам ползают жалкие человеческие образы, прося подаяния и корки хлеба. Это инвалиды войны, остающиеся после выхода из лазаретов на улицах без помощи и ухода. Среди очередей снуют заморенные обтрепанные, в надежде что-нибудь перехватить или выпросить. Это сироты погибших бойцов Красной армии, оставленные без присмотра и помощи.

На базарах-толкучках стоят старухи и истощенные женщины, продающие последнюю смену белья или из-

Русским рабочим и работницам, выехавшим на работу в Германию, предоставлены там все необходимые условия для нормальной семейной жизни. Много браков заключено вдали от родины; много новых русских ребят родилось уже в Германии. Они со своими матерями пользуются всемерной поддержкой германского правительства и самой доброжелательной опекой его. Как видно на снимке, один из новых граждан Новой Европы вполне одобрительно относится к ее порядкам

Контрудары у Нарвы

Уничтожение советских предместных укреплений

Берлин, 7 марта

Части войск СС предприняли ряд успешных контрударов к северу от шоссе, ведущего из Нарвы на запад. Со времени начала советских атак, то есть, с середины февраля, большевики имели предместное укрепление

на западном берегу реки Наровы. Этот плацдарм находился возле сильно укрепленных немецких пунктов и мешал сообщению по шоссе. Ликвидировать плацдарм было поручено восточным добровольцам, несколько дней тому назад уже уничтожившим другое предместное укрепление большевиков. После сокрушительного артиллерийского огня, эстонцы перешли в энергичное контрнаступление и вскоре ворвались в советские позиции. Разгромив советские окопы и доты, они приступом взяли деревню Вассе — один из двух опорных пунктов предместного укрепления.

Другой ударный отряд продвинулся вдоль берега реки на юго-восток и занял хорошие исходные позиции для дальнейших атак.

В то же время третий отряд частей СС ударил по советскому плацдарму в направлении на юг, смелой атакой захватил несколько противотанковых и пулеметных гнезд и оттеснил большевиков назад. Бой за полную ликвидацию неприятельского предместного укрепления еще продолжается, потери неприятеля людьми и оружием неуклонно растут.

Потери «союзников» в Бирме

Токио, 7 марта.

В ходе военных операций на Бирманско-индийской границе, в которых фактически уничтожена сельская английская дивизия, противник потерял около 7.000 человек убитыми, в том числе 3.000 англичан. Японцы захватили, кроме того, шестьсот пленных и множество военного материала, в том числе 45 танков, 660 автомашин и 92 орудия разных калибров. За время боев сбито 62 неприятельских самолета.

У берегов Норвегии

Берлин, 7 марта

У северного побережья Норвегии несколько английских истребителей и торпедоносцев напали на немецкий караван судов. Ловким маневрированием немецкие пароходы уклонились от сброшенных торпед и под защитой собственных истребителей благополучно продолжали свой поход. Немецкие истребители, тотчас же вступившие в бой с противником, — сбили три торпедоносца. Немцы потерь не понесли.

ношенные туфли. Это — жены и матери бойцов, находящихся на фронте, оставленные без помощи и обреченные на голод и нищету.

«Необыкновенной кипучей жизнью» живет тыл советской страны! Гибнут тысячи людей на рудниках и в шахтах. Глухо трещат выстрелы энкаведистских автоматов, расстреливающих всех, кто посмел не поверить московскому диктору. Вывозят из закрытых распределителей деликатесы, икру, балыки и шампанское для банков советских вельмож. С испугом смотрят через стекла легковых машин округленные еврейские морды сталинских опричников.

Да, «многообразной и кипучей жизнью» живет тыл страны советов!

— Какая наглость! Этим людям мало того, что мы их освободили от фашизма. Они хотят еще хлеба.

Под пятой оккупантов

Женева, 7 марта.

В одном из английских еженедельников появился очерк, описывающий условия жизни в оккупированной англо-американцами южной Италии. Очерк написан рядовым английским солдатом. Он пишет, что повсюду в южной Италии бродят толпы ободранных, голодных нищих детей и взрослых. С жалобными причитаниями они просят у английских солдат подаяния. Нищета неопределяема. Люди лишены всего необходимого, в

первую очередь хлеба, овощей и жиров.

Сотни демобилизованных итальянских солдат с женами и детьми днем и ночью бродят по улицам, так как лишены крова. Те же, кому удалось сохранить свое жилище, не имеют работы. Проституция приняла чудовищные размеры. Женщины просят не денег, а только лишь хлеба.

Такова жизнь под пятой англо-американских оккупантов.

Протест римского папы

Рим, 7 марта.

Газета «Оссерваторе Романо», официальный орган Ватикана, пишет о последних англо-американских бомбардировочных налетах на Ватикан: «Нам снова приходится указывать на серьезное значение бомбардировки территории, не только не представляющей собой военного объекта, но расположенной в непосредственной близости от базилики Римского папы и пользующейся правами неприкосновенности самостоятельного государства, закрепленными международными договорами. Действительно, трудно угадать, какую цель преследуют англо-американские бомбардировщики. Налеты можно объяснить только желанием вызвать панику среди населения или же дать демонстративный ответ на неоднократные призывы Римского папы поощрять город, бывший в течение двадцати веков центром христианства».

Бои у Нарвы и Пскова

Советские атаки отбиты

Главная Ставка Фиурера, 5 марта.

Верховное Командование германских вооруженных сил сообщает:

К югу от Кривого Рога оборонительные бои продолжаются. В районе Шепетовки численно превосходящие советские, пехотные и танковые силы, после сильной артиллерийской подготовки, перешли в атаку. На различных участках советские атаки отражены, причем уничтожено 59 неприятельских танков. В нескольких местах советским частям удалось ворваться в германские линии. Продолжаются ожесточенные бои.

Юго-восточнее Витебска все советские атаки отбиты.

Во Псковском и Нарвском районах противник продолжает атаковать германские позиции с помощью свежих резервов. Части германской армии и войск СС в упорных боях отбили все неприятельские атаки, претерпевшие местные вынуждения и уничтожили 17 танков противника.

На итальянских фронтах артиллерийская перестрелка и стычки передовых отрядов. 4-го марта около полудня соединения американских бомбардировщиков предприняли террористические налеты на населенные пункты западной Германии. В городах Бонне и Кельне пострадали жилые кварталы. Среди населения есть жертвы. Разрушено несколько церквей, больниц и общественных зданий. Сравнительно

слабое соединение бомбардировщиков, под охраной истребителей, направилось к Берлину, однако, противоздушная оборона лишила его возможности совершить концентрированный налет. Уничтожено 41 неприятельский самолет, в том числе 21 четырехмоторный бомбардировщик. Неприятельские самолеты прошлой ночью сбросили бомбы на населенные пункты Западной Германии.

В Крыму

Бесплодные вылазки большевиков

Берлин, 7 марта.

После продолжительного перерыва возобновились бои на обоих Крымских фронтах: у Керчи и Сиваша. У Керчи уже несколько дней наблюдается усиленная деятельность совет-

ской разведки, однако, сильных боев здесь не было. В первых числах марта большевики предприняли несколько вылазок, бросив в бой силы, численностью около роты. Но все эти вылазки были отбиты. Тогда, после яростной артиллерийской подготовки, под покровом искусственного тумана, перешли в атаку два советских батальона. Германские войска, сражаясь вместе с румынскими частями, отбили и эту атаку, мощным контрударом уничтожив небольшие советские силы, проникшие в германские окопы.

Советские войска предприняли затем новую атаку, снова применив искусственный туман. Внезапно, однако, поднялся ветер и волна тумана была отнесена обратно на советские линии. Атакующие неожиданно для себя попали под мощный огонь немецких батарей и, оставив на поле боя многих убитых и раненых, поспешно бежали.

Испания на чеку

Мадрид, 6 марта.

Испанское правительство приняло решение немедленно призвать на военную службу всех испанцев, родившихся в 1923 году.

Очередная порция лжи

Что требует Щербаков от своей истощенной страны

Обращает на себя внимание недавнее выступление Щербакова в Москве.

«В свое время, — так начал оратор свое слово, — Ленин предсказал, что ближайшая война будет ужасна по своей беспощадности и жестокости. Память эти пророческие слова, советское правительство напрягло все силы страны и в двадцать лет превратило Союз в мощную индустриальную державу. Теперь, — заявил далее Щербаков, — требуется еще новое колоссальное напряжение, чтобы завершить борьбу».

После двух лет тягчайшей борьбы, когда страна истощена вконец, Сталин устами своего подручника имеет бесстыдливо требовать от нее нового колоссального и явно непосильного напряжения. Однако, каждому теперь ясно, что всякий раз добываемые таккой новой подготовкой силы растрачиваются лишь на то, чтобы в том или другом месте несколько завлечь германский фронт, а затем остановиться, не достигнув ничего решающего. Молчаливым признанием этого беспорочного факта и явилось дальнейшее утверждение оратора, что в лице Германии Советский Союз имеет грозного противника, чья мощь германской армии в целом не колеблется и что нет оснований рассчитывать на ее близкую катастрофу.

Таким образом ясно, что вопреки всему напряжению, которому большевики подвергают страну, они далеко не надеются справиться с Германией только своими силами. Вот почему в Тегеране Сталиным был предъявлен резкий ультиматум касательно второго фронта. Тем не менее — это особенно характерно — выставленный им на этот раз оратор вовсе не упомянул о помощи англо-американцев, но изобразил дело так, будто бы в этой войне борются только две силы, а именно Германия и Советский Союз, и от исхода ее зависит дальнейшие судьбы мира. Речь Щербакова показывает, как ясно большевики отдают себе отчет в трудности военной задачи, которая все еще стоит перед ними во весь свой рост, как высоко расценивают они мощь своего противника и с какой беспощадностью продолжают истощать человеческие и материальные резервы страны, чтобы возместить ими вопиющие ошибки и промахи своего военного руководства.

Со всего света

Стокгольм. — В Иерусалиме, в здании налогового департамента, полиция обнаружил бомбу, подброшенную одним из налогоплательщиков. Полицией не успев обезвредить бомбу, погреб от взрыва. В тот же день в налоговом департаменте города Тель-Авива также обнаружено несколько бомб.

Лиссабон. — В Нью-Йоркском увеселительном квартале — Коней Исладе — возник крупный пожар. Сотни пожарных машин и полицейских безуспешно несколько часов подряд боролись с огнем. Огонь локализован.

Анкара. — Английский колониальный министр заявил, что палестинские власти принимают все меры, чтобы поймать виновников многочисленных покушений, совершенных за последнее время. Покушения совершались преимущественно против палестинской полиции и правительства.

Шанхай. — Американские воздушные террористы часто забрасывают бомбами мирные деревни, а также гражданское железнодорожное и речное сообщение в северном Ашане (Индокитай). В течение февраля месяца убито 152 и ранено 172 местных жителя.

Берн. — Снова нарушен нейтралитет Швейцарии. Ночью крупные соединения самолетов перелетали Швейцарию в восточном направлении. В северной части страны была объявлена воздушная тревога. Зенитная артиллерия открыла огонь.

Биографические подробности о Сталине

Дополнение к «краткому курсу ВКП (б)

Советские люди знают о биографии Сталина очень мало. А то, что они знают, на 90% является ложью. Кто же такой на самом деле Джугашвили-Сталин, именующий себя вождем народов?

Советская пропаганда лезла из кожи, стремясь доказать, что Сталин был любимым учеником Ленина. Это — ложь. Ее поддерживал сам Сталин, заявивший, что уже в 1903 году получил в Сибирской ссылке поощрительную записку от Ленина. Никакой записки, как свидетельствуют факты, Сталин в это время получить от Ленина не мог. Впервые Сталин увидел Ленина на Тамерфорской партийной конференции в декабре 1905 года. Но затем, в 1915 году Ленин спрашивает, как в сущности зовут «Кобу» (партийная кличка Сталина)?

Выбранный в 1912 году решением маленького заграничного кружка в Центральный Комитет партии, Сталин играет в нем роль «чернорабочего». Сталин выполняет разные административные поручения в России, куда главари большевиков предпочитали не показываться.

В то же время в биографии Сталина до революции есть подозрительные провалы и явные «гнусности». Так, в 1901 году Сталин за интриги против руководителя Тифлисской партийной организации Джигладзе был привлечен к партийному суду, признан виновным в клевете и единогласно исключен из организации. Когда Сталина выгнали из семинарии за принадлежность к социалистическому кружку, он донес ректору на своих товарищей по этому кружку.

Многочисленные побеги Сталина из ссылки настолько загадочны, что свидетельствуют не о храбрости Сталина, а скорее всего о хороших отношениях с органами, против которых боролись революционеры. Яков Свердлов, который был в ссылке вместе со

Сталиным, перевелся от него в другой город. О Сталине Свердлов писал: «Слишком близкое знакомство показывает человека во всей его мизерности».

Возвышение неизвестного стране Сталина началось с 1922 года, когда он становится генеральным секретарем партии. При Ленине должность секретаря партии была главным образом технической. Однако, рост партийной бюрократии сделал должность секретаря партии очень влиятельной. В руках Сталина оказалась судьба новых партийных аппаратчиков и бюрократов. Это помогло Сталину в дальнейшем победить Троцкого и разгромить других своих противников в партии.

Ленин заметил, как может Сталин злоупотреблять должностью секретаря партии. Ленин говорил о Сталине,

что «этот повар умеет готовить только острые блюда». Ленин называл Сталина «грубым и недолжайным». Уже безнадежно больной, Ленин пишет 25 декабря 1922 года: «Товарищ Сталин, ставший генеральным секретарем, сосредоточил в своих руках огромную власть, и я не уверен, что он сумеет всегда пользоваться ею с достаточным благоразумием».

На XIII съезде партии Ленин собирался потребовать снятия Сталина с поста генерального секретаря. Перед этим Ленин порвал со Сталиным всякие личные отношения. Записки Ленина о конфликте со Сталиным в свое время были опубликованы оппозиционерами.

Как развернулись кроваважные инстинкты Сталина после смерти Ленина, всем хорошо известно. Мих. Славянский.

Расход боеприпасов раньше и теперь

От 30-летней войны до первой мировой

В последние столетия, вследствие усовершенствования огнестрельного оружия, с огромной быстротой увеличилось расходование боеприпасов. Они стали важнейшим фактором войны, так что своевременное производство необходимого количества боеприпасов, равно как и подвоз их к месту боя, решают не только судьбу сражения, но часто и судьбу целого похода. Однако, были времена, когда солдат легко носил с собой запас амуниции, который хватал ему на много дней.

Так, например, во время 30-летней войны в течение одного сражения каждый мушкетер делал в среднем семь выстрелов. Гренадерам Фридриха Великого на сражение выдалось 60 патронов, во время боя при Лейпциге (1813 г.) в прусской пехоте приходилось в среднем, приблизительно, 20 выстрелов на человека, а в сражении при Вильгельме (1870 г.) — 35 выстрелов на человека. Вообще за кампанию 1870-71 года германская полевая артиллерия сделала 338.000 выстрелов, к которым нужно еще причислить 317.000 выстрелов, сделанных осадной артиллерией. За эту войну германской пехотой

было истрчено 20 миллионов патронов. Астрономические цифры в расходе боеприпасов появились только в XX столетии. В этом отношении огромное значение имеет, конечно, тот факт, что в бою стал играть крупную роль пулемет. В первой мировой войне ежемесячно расходовалось 200 миллионов патронов, то-есть в 10 раз больше, чем за всю войну 1870-71 года. Германская полевая артиллерия в мировую войну на всех фронтах произвела, приблизительно, 222 млн. выстрелов. В то время артиллерия союзников за один только 1918 год на западном фронте произвела 160 млн. выстрелов.

Несмотря на то, что перестрелка на фронтах продолжалась ежедневно, особенно большой расход боеприпасов происходил на отдельных участках в определенное время. Так, например, англичане весной 1917 г. на секторе фронта в 500 метров длины сконцентрировали 698 орудий и 268 минометов и за три месяца в том же году истратили на французском фронте 200.000 тонн боеприпасов.

При этом нужно помнить, что английские войска оперировали тогда еще на многих

других фронтах. Огромное количество боеприпасов было истрчено у Вердена. Здесь с германской стороны в бой было брошено 1251 орудие, которые за два месяца истратили 8.200.000 снарядов. В особенно горячие дни с обеих сторон производилось в среднем по миллиону выстрелов. Исходя из расчета, что каждую неделю производилось один миллион выстрелов, за 30 недель, в течение которых продолжались бои за Верден, было истрчено 1.350.000 тонн стали. Транспорт такого количества металла потребовал бы 135.000 вагонов, и на каждый гектар поля боя у Вердена приходится 50 тонн стали.

У обеих сторон были моменты, когда ставились рекорды максимального расхода боеприпасов. Так, например, германская артиллерия в 1918 году у Шмен де Дам за четыре с половиной часа, обстреливая французские позиции, израсходовала 2 миллиона снарядов. В том же 1918 году американцы за 4 часа выпустили у Сен Мишель 1.100.000 снарядов, а англичане израсходовали 2 сентября 1918 года в течение 24-х часов 943.000 снарядов.

(Продолжение 81-ое)

Подмоклому было доказано, что о зарнее обдуманном намерении и говорить нечего: я сам руководил тренировкой и видел, как все это случилось. Подмоцкий смотрел на меня неприязненно и подозрительно, впрочем, он, как всегда по утрам, переживал мировую скорбь похмелья. Выныривая, что там за народ собрался у меня на Вичку, о чем они разговаривают и какие имеются «политические настроения». Я сказал: — Чего вы ко мне пристаёте, у вас ведь там твои слушайки есть — у них и спрашивайте.

— Слушайки, конечно есть, а я хочу от вас подтверждение иметь... Я понял, что парнишка с перевышним властью был его единственным слушкой: Вичка была организована после стремления, что третья часть не успевая командировать туда своих людей, да и командировать было трудно: подбирали кандидатов лично я.

Разговор с Подмоцким принял чрезвычайно дипломатический характер. Подмоцкий крутил, крутил, ходил кругом да около, рекомендовал мне каких-то замечательных форвардов, которые у него имелись в оперативном отделе. Я сказал: — Давайте — посмотрим, что это за игроки: если действительно хорошие — и их прииму.

Подмоцкий опять начал крутить — и я поставил вопрос прямо: — Вам нужно на Вичке своих людей иметь — с этого бы и начинали.

— А что вы из себя наиняка крутите — что, не понимаете вы, о чем разговор идет? Положение создалось невеселое. Оказывается прямо — было невозможно технически. Принять кандидатов Подмоцкого и не предупредить о них моих спортсменов — было невозможно психически. Принять и предупредить — это значило бы, что этим

кандидатам на первых же тренировках поломать кости, как поломали бышему миллионеру, — и отвечать пришлось бы мне. Я сказал Подмоклому, что я ничего против его кандидатов не имею, но что, если они не такие уж хорошие игроки, как об этом повествует Подмоцкий, то остальные физкультурники поймут сразу, что на Вичку эти кандидаты попали не по своим спортивным заслугам, — следовательно, ни за какие последствия я не ручаюсь и не отвечаю.

— Ну, и дипломат же вы, — недовольно сказал Подмоцкий.

— Еще бы... С вами поживешь — поневоле научишься...

Подмоцкий был слегка польщен... Достал из портфеля бутылку водки.

— А опохмелиться нужно, хотите стакашку?

— Нет, мне на тренировку идти.

Подмоцкий налил себе стакан и медленно высосал ее целиком.

— А нам свой глаз обязательно нужно там иметь. Так вы моих ребят возьмите... Поломать ноги — так и чорт с ними, нам этого товара не жалко.

Так попали на Вичку два бывших троцкиста. Перед тем, как перевести их туда, я сказал Хлебникову и еще кое-кому, чтобы ребята зря языком не трепали. Хлебников ответил, что на всяких сексотов ребята решительно наплевают... На ту же точку зрения стал Корневский — упорный и воинствующий социал-демократ. Корневский сказал, что он и перед самим Сталиным ни в каком случае не желает скрывать своих политических убеждений: за него, где, Корневского, работает история и просыпающаяся сознательная пролетарская масса. Я сказал: ну, ваше дело — я предупреждаю.

История и массы не помогли. Корневский вел настойчивую и почти открытую меньше-

вицкую агитацию — с Вички поехал на Солониху: я не очень уверен, что он туда дошел живым.

Впрочем, меньшевицкая агитация никакого сочувствия в моих «физкультурных массах» не встречала. Было очень наивно итти с какой бы то ни было социалистической агитацией к людям, на практике переживающим почти стопроцентный социализм. Даже Хлебников — единственный из всей компании, который рисковал произносить слово «социализм», глядя на результат Корневской агитации, перестал оперировать этим термином... С Корневским же я поругался очень сильно.

Это был высокий, тощий юноша, с традиционной меньшевицкой - народноволецкой шевелюрой, — вымирающий в России тип книжного идеалиста... О революции, социализме и пролетариате он говорил книжными фразами — фразами доверенных социал-демократических изданий, оперировал арфурской программой, Каутским, тоже, конечно, в довоенном издании, доказывая, что большевики — узурпаторы власти, вульгаризаторы марксизма, диктаторы над пролетариатом и т. п. Вичковская молодежь, уже пережившая и революцию, и социализм, и пролетариат, смотрела на Корневского, как на человека малость свехнувшегося, и только поспеваясь. Екатеринбургский слесарь Фомко, солидный пролетарий лет двадцати восьми, как-то отозвал меня в сторожку.

— Хотел я с вами насчет Корневского поговорить... Скажите вы ему, чтобы он заткнулся. Я сам пролетарий не хуже другого, так и меня от социализма с души воротит. А хлопца разменяют, ни за полкопейки пропадет. Поблажайте вы с ним, у вас на него авторитет есть...

«Авторитета» не оказалось никакого. Я вызвал Корневского сопроводить меня с Вички в Медгору и по дороге попытался устроить ему отеческий разговор: во-первых, вся его агитация — как под стеклышком; не может же он предполагать, что из 60 человек вичковского населения нет ни одного сексота, и, во-вторых, если уж подставлять свою голову под наганы третьего отдела, так уж за что-нибудь менее безнадежно, чем пропаганда социализма в Советской России вообще, а в лагере — в частности и в особенности.

Но жизнь прошла как-то мимо Корневского. Он нервными жестами откидывал спавшие на лицо спутанные свои волосы и отвечал мне Марком и арфурской про-

граммой. Я ему сказал, что и то, и другое я знаю и без него, и знаю в изданиях более поздних, чем 1914 год. Ничего не вышло, хоть кол на голове теши. Корневский сказал, что он очень признает мне за мои дружеские к нему чувства, но что интересы пролетариата для него выше всего — кстати, с пролетариатом он не имел ничего общего: отец его был московским врачом, а сам он избрал себе совсем удивительную для Советской России профессию — астронома. Что ему пролетариат и что он пролетариату? Я напомнил ему о Фомко. Результат был равен нулю.

Недели через две после этого разговора меня при входе на Вичку встретил весьма растрепанный Хлебников.

— Корневского изъели. Сам он куда-то исчез, утром пришли оперативники и забрали его вещи...

— Так, — сказал я, — доигрался...

Хлебников посмотрел на меня ожидающим взором.

— Давайте следом... Какой-то план нужно выработать.

— Какой тут может быть план, — сказал я раздраженно. — Предупреждали парня...

— Да, я знаю... Это, конечно, утешение, — Хлебников насмешливо переделывал плечами, — мы, дескать, говорили, не слушай — твоё дело. Чорт с ним, с утешением... Пойдите, кажется, кто-то идет...

Мы помолчали. Мимо прошли какие-то вичковские лагерники и оглядели нас завистливо-недружелюбными взглядами — вичковские бифтексы на фоне соседних «плек» — широких симпатий лагерной массы не вызывали. За лагерниками показалась монументальная фигура Фомко, вооруженного утюжками. Фомко подошел к нам: — Насчет Корневского уже знаете? — Идем в сторону, — сказал Хлебников. Отошли в сторожку и уселись.

— Видите ли, И. Л., — сказал Хлебников, — я, конечно, понимаю, что у вас никаких симпатий к социализму нет, — а Корневского все-таки надо выручить.

Я только пожал плечами — как его выручить?

— Попробуйте подлечь к начальнику третьей части — я знаю, вы с ним, так сказать, интимно знакомы... Хлебников посмотрел на меня без иронии. — А то, может быть, и к самому Успенскому? Фомко смотрел мрачно.

— Тут, товарищ Хлебников, не так просто... Вот такие тащички, как этот Ко-

рневский, — дай ему власть — так он доиче Успенского людей резать будет... Пролетарием, сукин сын, заделался... Он еще мне насчет пролетариата будет говорить... Нет, если большевики меньшевиков вырежут — ихнее дело, нам туда совастья нечего: одна стерва другую загрызет...

Хлебников посмотрел на Фомко холодно и твердо.

— Дурацкие разговоры. Во-первых, Корневский — наш товарищ...

— Если вы, так вы с ним и делайтесь. Нам таких товарищей не надо. «Товаришам» — и так сыты...

...А во-вторых, — так же холодно продолжал Хлебников, не обращая внимания на реплику Фомко, — во-вторых, — он против сталинского режима — следовательно нам с ним пока по дороге. А кого там придется вешать после Сталина, это будет видно. И еще: Корневский единственный сын у отца... Если вы, И. Л., можете выручить, вы это должны сделать...

— Я, может, тоже единственный сын, — сказал Фомко. — Сколько этих сыновей ваши социалисты на тот свет отправили. А прощом, ваше дело, хотите — выручайте... А вот стукачей нам отсюда вывести нужно...

Фомко и Хлебников обменялись понимающими взглядами.

— М-да, — неопределенно сказал Хлебников... Помолчали. Наши ребята очень взволнованы арестом Корневского, хороший был, в сущности, парень.

— Парень ничего, — несколько мягче сказал Фомко.

Я не видел решительно никаких возможностей помочь Корневскому. Итти к Подмоклому? Что ему сказать? Большевицкая агитация Корневского была поставлена так по мальчишески, что о ней все знали — удивительно, как Корневский не слез раньше... При случае можно попытаться поговорить с Успенским, но это только в том случае, если он меня вызовет: итти к нему специально с этой целью, значило обречь эту попытку на безусловный провал. Но Хлебников смотрел на меня в упор, смотрел, так сказать, прямо мне в совесть, и в его взгляде был намек на то, что, если уж я взявшую с Подмоцким, то я морально обязан как-то и чем-то компенсировать палачине свое.

(Продолжение следует)

НА ОСВОБОЖДЕННОЙ ЗЕМЛЕ

ЭКЗАМНЫ ЭКСТЕРНАМ

Режица

Инспекция народных школ указывает, что с разрешения генеральной дирекции образования, экзамены за полный курс народной школы в Режицком уезде можно будет держать этой весной либо при школьной инспекции, либо при одной из народных школ.

Желающие держать экзамены должны своевременно подать прошение на имя школьной инспекции в Режице.

КУРСЫ ТРАКТОРИСТОВ

С 20-го марта в Режице возобновляются курсы по подготовке трактористов, а 28 и 29 марта будут произведены экзамены на получение права управлять трактором.

Желающие заниматься на курсах и сдавать экзамены должны заявить об этом инспектору сельскохозяйствен-

ных машин при агрономическом бюро в Режице.

НАРОДНЫЕ СОБРАНИЯ

Люцины.

В Мердзенской, Бригской, Корсовской и других волостях Люцинского уезда, недавно состоялись многолюдные собрания. На всех этих собраниях были сделаны доклады о текущих военно-политических событиях и прочитано обращение областного комиссара к жителям Латгалии.

Заключительное слово докладчика о том, что жители Латгалии могут спокойно жить и трудиться, ибо германская армия никогда не допустит большевицкого посягательства на эти земли — было приветствуемо аплодисментами всех присутствовавших.

Около волостных правлений состоялись выступления русских певцов и музыкантов, а в некоторых волостях населению были показаны звуковые кино-фильмы.

Осужу-ль страстной и буйный пламень? В грязь лицом тебе ль не поклонюсь, След босой ноги благословляя? Ты бездомная, гулящая, хмельная, Во Христе юродивая Русь!

Есть ругающиеся, любящие и страдающие люди. Есть равнодушные и прекраснотупые псаломщики бесконечно далекой их душе сусальной «Святой Руси». Среди них есть и жулики, спекулирующие на естественной склонности любой нации к лести и восхвалению. Есть, наконец, озлобленные ругатели, ожесточенные историческими пощечинами и личной неудачей.

И настоящая, истинная, действительная любовь есть, по нашему мнению, любовь первых.

Сейчас Русь разбрелась по всем путям и перепутьям, наводная другая страна и край. От нас зависит собрать воедино все духовные и физические силы нашего народа. Ибо недолго будет длиться наша жизнь вне родной земли, если мы подтянем духовно и душевно, и примем деятельное участие в последней, решительной схватке за Родину, волю, землю и жизнь с темными силами большевического хаоса и смерти.

Но подтянуть духовно, душевно очиститься мы не сможем, если не пересмотрим всего своего социально-культурного багажа. Иногда нужно перетряхивать и проветривать старые, залежавшиеся вещи. Нужно их вынести на воздух, выколотить пыль и стряхнуть щеткой накопившуюся грязь.

Тогда иногда надо делать и с душой — своей личной и национальной, — не боясь исторического сквозняка и выюги войн и революций.

И не надо обижаться ни на упреки любви - ревности, ни на тяжелые времена испытаний. В эти то эпохи и рождается в огне и буре твердая, достойная и обновленная душа народа.

Борис Филистинский.

НАША ГОРДОСТЬ

Русская женщина — мученица и героиня

Советская власть с самого начала своего существования проявила себя, как самая расточительная власть в отношении людей. Провести массовую чистку аппарата, организовать показательные процессы, всадить пулю в затылок тысячам неповинных людей или, наконец, придумать более мучительную казнь — казнь в расщелину, сослав их в безлюдный край, в тундру, и болота, для того, чтобы руками изуродованных людей создавать пирамиды сталинских пятилеток — все это было и есть неотъемлемые методы истребления человечества во славу Сталина.

В процессе этого истребления на долю советских женщин пришлось один из самых тяжелых ударов сталинского бича. Арест и высылка, тюрьмы и казни для мужчин наносили, прежде всего, непоправимый удар семье, которая оставалась без средств на руках осиротевшей советской женщины. Кто не знает, в каком ужасном положении оказывались мать или жена арестованного? Ей отказывали в работе или квартире, сторонились как чумы и даже лучшие друзья и родные из-за боязни, что и их может постигнуть такая же участь, переставали ее посещать. Что переживала эта несчастная женщина с кучей детей на руках, обивая пороги учреждений и тщетно разыскивая по прокурорам следы своего без вести пропавшего мужа, одному Богу да ей известно.

Что же происходило в семейном быту советской семьи? Какие изменения внесла в нее советская жизнь? Под влиянием грубой, жестокой действительности исчезла романтика любви, романтика семейной жизни.

Женщина на практике пресловутого советского равноправия должна была выполнять тяжелую мужскую работу на производстве, нести всевозможные общественные нагрузки и, кроме того, какую-то часть времени отдавать семье и домашнему хозяйству. При отсутствии бытовых хозяйственных приспособлений и технического оборудования одна домашняя работа становилась тяжелой и неблагодарной задачей.

Октябрьская революция и советская власть не выполнили своего торжественного обещания перед русской женщиной. Они не раскрепостили, а еще больше закрепили ее.

И все таки советская женщина бескорыстно жертвовала своим временем, своей молодостью, своими нарядами, чтобы поддержать семью и своих детей, чтобы поставить последних на ноги.

Тяжела была доля фабричной работницы — этой дешевой рабочей силы, призванной стахановскими темпами выполнять пятилетние планы — гигантские планы милитаризации страны. Жизнь ее становилась все сурее и безрадостнее.

Еще безрадостнее была жизнь и еще тяжелее была доля советской

женщины - крестьянки, вынужденной от зари до зари выколачивать на колхозной барщине трудодни. Мужественные женщины «раскулаченных» семей переносили невероятные страдания и пили чашу горя до дна.

Тяжела была доля великой мученицы русской женщины. Но вот грянула спровоцированная большевиками война. Начались новые страдания, усугубились лишения, нужда и голод встали у самого порога. Жена, потерявшая своего мужа в застенках НКВД, провозжала на бессмысленную войну своего единственного сына. Сестра сосланного в Сибирь инженера отдавала Молоху войны своего младшего брата. Мать раскулаченной семьи оплакивала гибель на фронте своих сыновей, невыразимое горе широкой волной залило семьи советских женщин.

В довершение всего, советское правительство приступило к мобилизации бездетных женщин. Советская женщина была призвана к непосредственному участию в войне. Ее безжалостно погнали на фронт в качестве связиста, шофера, штабного писаря, санитаря или канонира зенитной артиллерии. Тысячи советских женщин погибли от ран или попали в германский плен. Тысячи женщин должны были полатиться своей жизнью или свободой за Сталина, за безумные идеи большевиков, как единственный источник пополнения резервов армии.

Но большевикам не удалось завербовать женщину в свой лагерь, различить ее душу, полностью приравнять к мужчине с целью оправдать ее беснующую эксплуатацию. Громадное большинство советских женщин не поддавалось влиянию большевизма. Не-

ся тяжелый крест своей жизни, они сохранили все-таки свой природный женский инстинкт. Свое здоровое женское начало. Свою женскую мораль и чистоту.

Конечно, в семье не без урода. В Советском Союзе мы встретим женщин, пошедших ради легкой жизни и нарядов на содержание к крупным чиновникам, или женщин, которые, пользуясь легкостью развода, выходят замуж четвертый или пятый раз. Встретим развязных, грубых женщин, ставших агентами НКВД, привыкших к своим мужским профессиям, утративших свою женственность. Некоторые прошли даже школы диверсии и шпионажа — стали парашютистками и находятся в бандах так называемых «партизан». Нет ничего печальнее на свете грубости и распушенности женщины, потерявшей женские облик и подобие.

К счастью, эти люди никогда не были и не будут типичными для советских женщин. Настоящая русская женщина, безропотно несущая все тяготы и унижения, является гордостью и украшением русского народа. Она живет в мрачной бездне, в которой потонули 26 лет долгой жизни, как мученица, и жлет великого обновления своей Родины. Она незаметная героиня, часто не подозревающая о своем героизме.

Мы преклоняемся перед тайной мужества русской женщины, сумевшей сохранить себя чистой и незапятнанной в этот век грубого материалистического расчета и незащитенных страданий, выпавших на ее долю.

Мы зовем ее на совместную борьбу против общего зла, против общего врага, 26 лет раздирающего нашу несчастную, многострадальную Родину.

И. Р.

БИБЛИОГРАФИЯ

Т. Чернавина, «Побег от ГПУ с мужем и сыном»

Тема не нова, — об этом свидетельствует заглавие. Но достоинство книги в ее искренности и бесхитростной простоте. Многие страницы волнуют и трогают. Это история ареста и высылки одного из научных работников Советского Союза. Как и многие другие специалисты, он был заклеен саботажником и вредителем. В 1930 году была «раскрыта контрреволюционная организация». И вот началось мучительное ожидание ареста, — с минуты на минуту, ночь за ночью, день за днем.

Особенный интерес представляет та часть книги, где идет речь о поездке на далекий север с целью свидания с выславным. Убогие вагоны мурманского поезда, путешествие в обществе жалких, плачущих и голодающих людей, и, наконец, прибытие в Кемь. Женщина с маленьким сыном, приехавшая туда на свидание с сосланным мужем, находит себе пристанище у одной из обитательниц этого городка и ранним утром видит шестые ссыльных, среди которых должен быть и ее муж.

И вот они идут. Лица напряженные, страдальческие, одержимая странная и жалкая. Наконец происходит встреча, ожидавшаяся

так долго и мучительно. Но радости нет, ее оттесняет страдание. Улыбка гаснет и глаза полны слез. И когда муж уходит, женщина говорит: «Я как прикованная осталась стоять на том же месте. У меня было только одно чувство — ненависть».

Горькие наблюдения в Кемь продолжались. Вот идет по улице отряд молодых работников на Беломорском канале. Их лица землистого цвета. Головы и плечи повисают, словно под тяжестью ноши, хотя они несут только пустые мешки. Вот и концлагерь, окруженный колючей проволокой. Там живут ссыльные со всех концов Советского Союза, — крестьяне, рабочие, профессора, инженеры, врачи. Среди них печальные фигуры священников, разодранные расы которых поддерживались веревками. Старый опустевший собор, обремененный на разрушение. Кладбище с общими могилами для ссыльных — тяжкие, мучительные впечатления!

Побег описан в том же непритязательном тоне, как вся книга; и в этом ее достоинство. Наконец, приходит спасение, судьба сохранила всем троим жизнь. И последняя фраза гласит: «Ах, как мало умеют ценить свое счастье люди, которые не жили в стране мрака, страдания и слез».

Е. С.

СЕМЬЯ

Рассказ Аркадия Бухова

Бубенцов разбивал семьи с налету. Так два-три столетия назад грабили барки на Волге... С лихим поведением, одинаковыми приемами и всегда безошибочно.

По этой же системе Бубенцов уводил сейчас Анну Петровну.

На второй день знакомства он заявил решительно:

— Анна — это не имя. Тускло. Пахнет проходной комнатой и керосинкой. Я вас буду звать Дэзи.

У Анны Петровны было двое детей и молчаливый муж с одним костюмом. И ее никто не называл Дэзи. Это было так неожиданно и красиво, что она уже на пятые сутки, перешивая сыну штанишки, поняла, что она действительно Дэзи и только раньше этого никто не замечал.

— Я вас выну из семьи! Вы пропадете в ней, как бабочка в клетке. Золотая бабочка в ржавой клетке. Я вас выну!

— Выньте, — тихо, но восторженно согласилась Анна Петровна.

— Я признаю семью, как общественный институт, — горько сказал он. — Пусть даже будут дети, если уж это предусмотрено законами. Государство требует жертв. Но кому это надо? Идеальный брак — это муж, жена, комната. Ну, а если хотите, плюс коммунальные услуги. Остальное — мешанство. Дети? Сегодня он и сидит у нас на коленках и портит вам

брюки, а завтра уж кто-то зовет вас дедушкой. Тускло!

Анна Петровна вспомнила, как вчера Лиза ей прожгла блузку, а Миша сунул химический карандаш в тюрор, и поверила, что дети — не сплошная радость.

— Почему спасают людей, когда они в пьяном виде падают с лодки, и никто не спасает утопающих в мешанстве? Что такое солидный брак? Это, когда муж по утрам икает, любит суповое мясо и требует от жены верности. Мужья — это хищники с кривыми ногами, заедающие чужое добро!

— У моего мужа прямые ноги, — безнадежно пробовала отбиться Анна Петровна, чувствуя, что это — ее последнее возражение.

— Кривые! — властно подтвердил Бубенцов. — Вы только не замечаете этого. Внутренняя духовная слепота. Вы — как спящая царевна!

Муж не ходил в туфлях, у него были прямые ноги и он не пил пива. Кроме того, он ежедневно брился. Но чувствовать себя бедной и погибающей в тине мешанства так мучительно приятно, что Анна Петровна все это шумно и недвусмысленно высказала мужу.

— Хорошо, — горько ответил молчаливый человек. — Дай объявление в вечернюю газету, что ты ищешь мужа с прямыми ногами. Что я могу сделать?

А через несколько дней Анна Петровна приехала на такси вечером к Бубенцову, внесла чемодан и взволнованно сказала:

— Прими твою Дэзи! Твоя бабочка ушла от мешанства. Принцесса проснулась.

И началась новая жизнь. Шестая по счету у Бубенцова. Слева, на диване поселился он, справа, на кровати, за ширмой, бабочка, принцесса и Дэзи, объединенные в лице Анны Петровны.

Прошел год. Бубенцов только что вернулся с амбулатории, где доктор напомнил ему, что ему уже тридцать девятый год, за которым пойдет сороковой и так далее, а не наоборот.

— Анюта, — грустно сказал он бывшей Дэзи, — мне нужен покой и уют.

— Хорошо, — сухо заметила она, — я куплю тебе кальсоны на гагачьем пуху. В них тепло.

— Не в кальсонах счастье. Кальсоны продают и холостым в любом магазине. У нас нет семьи.

— Семья — это мешанство, — зевнула она, вспоминая о красном бюжете, который спихнул ее с места в автобусе. — Семья — это дети. Мне уж надоели дети. Где-то я читала, или слышала, что дети — это те же взрослые, только еще маленькие, и что они требуют мануфактуры.

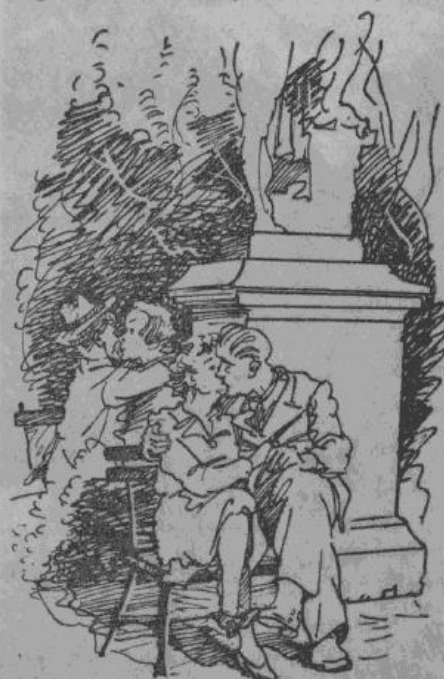
— Нигде ты этого не читала, — сердито заключил Бубенцов. — Никакой идит не мог написать этого. Я хочу, чтобы у меня в комнате на полу резвилось веселое существо, которое...

— Ну, купи собаку. Она будет бегать по полу, — снова зевнула Анна Петровна, — и не мешай мне спать.

Она закрыла глаза и еще раз вспомнила о бюжете из автобуса.

— Нет, ты не спи! — крикнул Бубенцов. — Спать после обеда всякий может, только я не могу. Приходишь домой усталый, человеку тридцать девять, у меня почки — и никакого юта.

— Ну, купи себе туфли и ходи в них на кривых ногах, если тебе нужен уют, — не открывая глаз, сказала Анна Петровна.

ла Анна Петровна. — Может, еще икать по утрам хочешь?

— У меня прямые ноги, — едко заметил Бубенцов, — и я с детства не икаю по утрам.

— Врешь! — вскопчила Анна Петровна. — У всех мужей кривые ноги и все икают.

— Проснулась, принцесса! Молчи, ведьма!

— А ты мешанин! Я как бабочка в ржавой клетке...

— Брось клетку к чорту! Я тебя этой клеткой как ахну!... Бабочка!

Бабочки не приходят подвыпившие в третьем часу утра.

— А что делают бабочки? Красные метки на ночных рубашках вышиваются? Да? О, Господи, какой тусклый человек!...

И она сразу уснула от негодования.

Над бульварами плыла луна, взятая напрокат из тургеневских романов. На скамейке около памятника сидела тихая пара. Полная шатенка сосала мороженое.

— Не говорите так, дорогая Марья Васильевна... Ах, какое чудесное у вас имя, оно звучит ладншеем в роще, — слышался голос Бубенцова. — Семья — это все. Вот вы живете с мужем одна. Вы, муж и плюс коммунальные услуги. Тускло. Почти мешанство. Я вас выну из него. У нас будет семья. У нас будут дети. Я буду приходить домой, класть портфель и гладить русые головки... А Вася — он непременно будет Васей или, в крайнем случае, Катей — станет говорить: «Папа, папа...»

— Какой вы редкий, — страстно шептала шатенка сквозь холодеющие от мороженого зубы.

А подальше от памятника, с другой скамьи, слышался грудной смех Анны Петровны и рокот автобусного брюнета.

— Нет, вы не Дэзи. Вы Китти! Я буду вас звать так. В этом имени что-то пьянящее, как коктейль с сиропом. Не говорите мне слово «муж». Я вас похищу после пятнадцатого. Вы проснетесь обновленная в моей уютной комнате с лифтом и газом. С моими заработками и знакомствами мы сможем шагнем в жизнь. Никаких пеленок и мешанских гарантий!

— Вы исключительный! — радостно простонала Анна Петровна.

На всю жизнь

Мучительно ноет нога. Жгучая боль, словно свинцом, налила все тело, застилает сознание, убивает волю. Всего несколько минут назад он еще мог ползти, звать на помощь, он хорошо чувствовал каждую неровность почвы, канавы, бугры, а теперь все слилось, стерлось. Осталась лишь эта страшная изнуряющая боль, слабость и безразличие.

Вокруг ни души. Не слышно стонов, не рвутся снаряды, не гудят моторы. Мертвая тишина объела местность. Неоткуда ждать помощи.

На мгновение боль утихает. Человек пытается ползти, но в следующую минуту со стоном опускается на подогнувшиеся руки. Нет сил.

«Неужели конец, — пронесится в мозгу тревожная мысль, — неужели нет спасения?»

Над городом еще колыхается черное облако дыма. Полуразвалившиеся дома черными квадратами окон смотрят на пустынные улицы. Мелкий дождь заливает тлеющие голоешки пожаров, дымящиеся здания. Крепчает ветер. С выгоревшего шеститажного дома слетела крыша. Лист железа зацепился за выступ стены. Раскачиваемый ветром он бьется о стену. Далеко, далеко над мертвым городом и местностью разносится монотонный дребезжащий звук.

По дороге к городу с узелком за плечами идет женщина. Поминутно останавливаясь, она чутко прислушивается к доносящемуся откуда-то стучу, поправляет ношу и снова идет дальше. Грязь звонко чмокает у нее под ногами, но женщина не обращает на это внимания.

Раненый заметил идущую. Отчаяние сменилось надеждой.

— Спасите! — из последних сил произносит он.

Перед глазами поплыли зеленые круги. Какая-то зеленая муть давит

сознание. Почувствовал, как над ним склонилась женщина и как на лицо ему упало несколько капель холодной воды.

«Идет дождь,» — промелькнуло в больном мозгу.

Очнувшись близ дороги. Попрямеему гремел железный лист и шел дождь. Женщина сидела на корточках и торопливо рвала на ленты головной платок.

— Вам больно? — спросила она полушопотом и, не получив ответа, добавила: — Потерпите минутку, уже недалеко...

По ее лицу катились капли дождя или слез, ветхое пальто, промокшее насквозь, топорило.

— Зачем же вы платок портите? — поддал голос раненый, — ведь без платка холодно...

Она не ответила, лишь посмотрела на него долгим сострадательным взглядом.

Каким мучительным кажется путь. Каждое движение причиняет невыносимую боль. Несколько раз раненый просит оставить его, дать ему покой-

но умереть тут же, но женщина немолчала. Отдохнув минутку, она снова взваливает себе на плечи раненого и, шатаясь под тяжестью ноши, идет мимо развалившихся халуп, воронок от снарядов, поваленных заборов.

Несколько раз она подходит к дверям домов, стучит, умоляя приютить на несколько часов больного, но за дверями тихо. Люди, напуганные событиями, не решаются пустить в дом чужих. Страх вытесняет сострадание.

Наконец, в одном из переулков перед ними открывают двери. Пожилая женщина минуту смотрит на пришедших, затем дрожащим не то от испуга, не то от холода голосом, приглашает войти.

Светлое, ласковое утро. Сквозь маленькое, наполовину забитое фанерой оконце, в избу проглядывает солнышко. Яркий луч косо падает на пол, освещая брошенную кем-то зеленую ветку.

Больной смотрит на ветку, на солнечный зайчик, на поблеклые обои тесной комнаты. От перенесенной болезни вяло работает мозг, чуть шевелятся губы.

— Где я? Над ним склоняется кто-то, гладит по волосам.

— Не беспокойся, ты дома...

Боже, какой знакомый голос. Так говорила Нина, неужели это она. Больной смотрит на стоящую у его постели женщину, трет глаза.

— Нина, это ты?

— Я, Ваня... что, не ожидал?...

У нее по щекам текут слезы. Она пытается их скрыть, но не может.

— Господи, как пришлось встретиться!...

В больном мозгу проплывают картины прошлого. Вспоминается такая же тесная комнатка, с грязными обоями; маленькая, робкая девушка с белыми, как лен, волосами. Кто

ПЕРЕСЕЛЕНЦЫ ЕВДОКИМОВЫ — ОТЕЦ И ДОЧЬ.

бы мог предполагать, что эта крупная, беспомощная девушка, не имевшая когда-то силы защитить даже себя, сможет спасти жизнь ему — человеку, который считал себя сильным и поэтому независимым, человеку, который причинил ей столько неприятностей, столько горьких минут. От одних воспоминаний становилось стыдно и тяжело на душе.

— Нина, — произнес больной, — прости прошлое.

Она посмотрела на него, поправила

сплозшее одеяло, подняла упавшую салфетку.

— Да что прощать, — что было — прошло... Бог с тобой!

С огромным усилием он высвободил из-под одеяла руку.

— Нина, забудь все, прости... Дай руку...

— На долго?

— На всю жизнь, Нина.

Она взяла протянутую руку и крепко пожала ее.

В. Блюм.

Квадратура круга

Костя Добров познакомился с Нинной Егоровой в Парке культуры и отдыха. Знакомство состоялось просто: она ему очень понравилась, он подошел и сказал:

— Разрешите с вами познакомиться!

— Пожалуйста, — ответила она.

— Меня зовут Костя, — сказал Костя.

— А меня Нина, — сказала Нина.

Потом они гуляли, слушали музыку, и Костя пошел провожать Нину

домой. По дороге он узнал, что Нина была два раза замужем. Первый раз муж ее бросил, а второго она сама бросила. Костя привел аналогию: первую жену он сам бросил, а вторая жена его бросила.

Это их развлекло и сблизило. Нина пригласила Костю зайти к

ней. Костя зашел. Нина начала развлекать его. Показывала альбом.

— Это Вера, — говорила она, перелистывая страницы альбома, — вторая жена моего первого мужа. А это Петя, первый муж первой жены моего второго мужа. Это вот сам Коля, мой первый муж, у которого первой женой была Люда (я вам ее покажу, мы до нее еще дойдем), а второй Вера, я ее уже вам показывала, а третьей женой была я. Это вот Саша, который сперва ухаживал за мной, потом за Симоной, в конце концов, женился на Лизе, которую бросил мой второй муж Игнаша. Это Катя. Правда, хорошенькая? Она сперва была замужем за одним инженером, а потом с ним развелась, и вышла замуж за Степу, Игнашиного товарища. А потом бросила Степу и вышла замуж за Игнашу. Лиза была первой женой Игнаши, Катя второй. А потом Игнаша женился на мне. Но он такой скверный был, нехороший и я с ним разошлась. А это вот Митя, второй муж Лизы... Что с вами?

— Мне нехорошо чего-то, — сказал Костя, оттягивая от шен воротничок.

Он и в самом деле побледнел. Он встал и, шатаясь, вместо выходной двери стал открывать дверку шкафа, потом печную дверку. Нина помогла ему дойти до лестницы. Он вышел на прохладную улицу, и тяжело дыша, часто встряхивая головой, пошел. Очнувшись, он огляделся и удивился, что ушел далеко за город.

Утром, как Костя ни старался, никак не мог вспомнить ни имени, ни адреса своей вчерашней знакомой.

А. ПЛЕЩЕЕВ.

Каждодневное

День выдался тяжелый. Старший сын Катя — трехлетний Вовка всю ночь горел и кашлял. Катя почти не смыкала глаз всю долгую ночь. Вставала, ставила термометр, укутывала разметавшегося в жару ребенка. Под утро заснула свинцовым сном. В бреду ей мерещились «черный ворон», подвезжавший за нею, погоня, обыски, дворники, управдомы, ордера на дрова и аресты... Недели две назад был арестован и осужден на полгода заключения муж Катя — за вторичное двадцатиминутное опоздание на работу. Тщетно он доказывал суду, что причиной опоздания была трагическая катастрофа, что опоздавших в тот день были сотни и тысячи, т. к. свыше 40 минут по этому маршруту

не было ни одного трамвая... Ссылка на «объективные причины» была отвергнута судом. И теперь Катя работница утильцеха сталелитейного завода, она борется за право жить — за жизнь свою и двух «папанов» — Вовки и трехлетнего Шурки.

По утрам копящийся примус с хрипом и шипом подогревает для всей семьи мутную бурду — кофе. На коммунальной кухне, на грязной плите сразу шипят пять адово-прокопченных примусов. Стены также прокопчены. Сажа оседает на легкие, покрывает кухонным загаром сморщенные и молодые лица хозяек.

Кухонный парламент обсуждает все животрепещущие новости дня:

— Аню арестовали вчера. В очереди за керосином стояла она часа три, а в это время одна еврейка подошла без очереди к кассе: «У меня, мол, мелкие, без сдачи», — ну, Аня и говорит: «Завсегда лезут вне очереди. Тоже нация!» — «Какая такая нация? Антисемитка!» — закричала еврейка. А теперь вот и сидит наша Анька...

— Вчера опять не хватило керосину. Стояла часа четыре, а он вот и кончился...

— Что такое с хлебом? Снова как-то перебои. Сегодня по всему городу бегала — не достала...

— Вчера по радио путиловцы новый заем требовали... Господи, хотя бы месяц перерыву... Опять «не меньше месячного заработка отдадим на укрепление обороноспособности страны...»

Затем — длинная, нудная работа в цеху, — за гроши, на которые нельзя купить и паршивых башмаков ребенку. Мастер лепится ужом к молодой «шестимесячной вдовке», и отогнать его нельзя — озлитесь и нагадите с «выполнением норм и качеством продукции»...

А прибежишь домой, заткнешь шматом хлеба или каши вечно алчущие запачканные рты папанов, — и беги в очередь за хлебом, керосином, крупой... И так целые дни, целые дни напролет! Ночью — заплатки на вкопчен изношенные хоботья, штопка чулок или зубрежка политграммы к очередному занятию добровольно-обязательного кружка ленинизма — под нудный ляг радио, вопящего: «Оттого, что у нас каждый молод сейчас — в нашей юной, прекрасной стране...»

Сегодня — женский день. 8 марта. Катя мечтала, что отпустят раньше — в полдень, — и она многое успеет сделать в освобожденные три-четыре часа. Но планы ее разбиты. В обеденный перерыв — митинг. И жирный оратор из Горкома партии, указывая на небывалый разлив счастья и свободы в Советском Союзе, на полное раскрепощение женщины, — призывает работниц пожертвовать сегодняшние полдня женского праздника, отработав их в фонд создания эскадрильи «Лазарь Каганович»!

День скрипит, ржавый и больно, как и все другие...

А. Борисов.

ТЕТИ И ВАСЬКИ СЕГОДНЯ ЖИВОТИК РАЗБОЛЕЛСЯ.

Весной

Уж тает снег, бегут ручьи,
В окно повело весною,
Завишут скоро соловьи,
И лес оденется листвою
Чиста небесная лазурь,
Теплей и ярче солнце стало,
Пора мятежей злых и бурь
Опять надолго миновала

И сердце сильно так в груди
Стучит, как будто ждет чего-то,
Как будто счастье впереди,
И унесла зима заботы
Все лица весело глядят.
«Весна!» — читаешь в каждом взоре,
И тот, как праздник, ей рад,
Чья жизнь — лишь тяжкий труд, да горе.

Но резвых деток звонкий смех
И беззаботных птичек пенье
Мне говорят, кто больше всех
Природы любит обновленья.

